

УДК 930.25+58:63+575

НИ. ВАВИЛОВ В САРАТОВЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ НЕИЗДАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОКОВ

В.И. СТУКОВ, М.Н. ШАШКИНА, Н.В. РЯЗАНЦЕВ

(ФГБОУ ВПО Саратовский ГАУ имени Н.И. Вавилова)

В статье опубликованы малоизвестные воспоминания современников-очевидцев о саратовском периоде жизни Н.И. Вавилова (1917-1921) по материалам неизданной рукописи М.В. Владимирского «Двадцатые годы. Воспоминания. Первый сельскохозяйственный вуз на Волге». Рукопись была передана в 1987 г. в фонд научного архива Саратовского областного музея краеведения и оставалась невостребованной более четверти века.

Ключевые слова: Н.И. Вавилов в Саратове, Высшие сельскохозяйственные курсы, СХИ, агрономический факультет СГУ, областной музей краеведения, М.В. Владимирский.

Саратовский период жизни Николая Ивановича Вавилова по праву считается наиболее плодотворным в его научной жизни. Эта часть биографии Николая Ивановича стала предметом различных работ саратовских ученых и историков-краеведов. В литературе опубликованы различные сведения из его жизни, отражающие многообразие и разносторонность личности великого ученого.

Интерес саратовцев к личности Н.И. Вавилова был всегда велик. Разработкой вавиловского наследия занимались и занимаются ученые из Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова, Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского и Научно-исследовательского института сельского хозяйства Юго-Востока РАСХН. Усилиями саратовских авторов подготовлены редкие издания, опубликовано немало статей в периодической печати [2-6].

Однако и в настоящее время не все моменты жизни и деятельности Николая Ивановича в Саратове достаточно освещены.

Осенью 2013 г. Саратовский государственный аграрный университет имени академика Н.И. Вавилова отметит 100-летний юбилей. Несмотря на то, что его новейшая история берет свое начало с 1998 г., когда в Саратове были объединены три вуза аграрного профиля, корни высшего сельскохозяйственного образования уходят в 1913 г.

В непростое время накануне первой мировой войны, на излете Серебряного века и грядущих социальных потрясений в стране, по инициативе и активном содействии местного общества сельского хозяйства в Саратове были открыты Высшие сельскохозяйственные курсы. Курсы стали третьим высшим учебным заведением в городе — после Императорского Николаевского университета (последнего университета в царской России, ныне — СГУ имени Н.Г. Чернышевского) и консерватории (первой в российской провинции, ныне — Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова).

Участники III Всероссийского съезда селекции и семеноводства. Саратов, июнь 1920 г.: в центре — Н.И. Вавилов; слева — ректор СГУ В.Д. Зёрнов

Н.И. Вавилов среди сотрудников Майкопской опытной станции Всесоюзного института растениеводства: второй слева — П.Ф. Загородских. 1939 г. (Фото публикуется впервые)

В апреле 1918 г. курсы были преобразованы в сельхозинститут. С октября 1918 по сентябрь 1922 г. Саратовский СХИ входил в состав Саратовского университета на правах агрономического факультета. До марта 1921 г. кафедрой частного земледелия (растениеводства) и селекции агрофака СГУ заведовал профессор Николай Иванович Вавилов.

В настоящее время к юбилею вуза готовится серия изданий, посвященная страницам славной истории агроуниверситета. Одна из этих книг «Директора и ректоры саратовских аграрных вузов за 100 лет: 1913-2013» потребовала проведения сложного архивного поиска и обращений в Саратовский областной музей краеведения.

Во многом благодаря удачному стечению обстоятельств в научном архиве музея удалось найти уникальную машинописную рукопись М.В. Владимирского «Двадцатые годы. Воспоминания. Первый сельскохозяйственный вуз на Волге». Выяснилось, что в 1987 г. рукопись была передана при жизни автора на хранение в фонд музея.

Ценная историческая находка позволила увидеть некоторые события, отдаленные от нас на десятки лет, глазами Михаила Викторовича Владимирского — их очевидца и современника, выпускника Саратовского сельскохозяйственного института 1926 г.

В своих воспоминаниях, адресованных потомкам, М.В. Владимирский пишет:

«Я предпринял этот труд в надежде на то, что земляки-саратовцы, в первую очередь студенты, преподаватели и профессора Саратовского сельскохозяйственного института, которые будут жить в XXI веке, листая пожелтевшие страницы, с интересом познакомятся, как жили, учились и трудились их прадеды, какими радостями и горестями одарила их судьба».

Мемуары ровесника XX в. не были востребованы 25 лет. О существовании рукописи забыли даже историки и корифеи саратовского краеведения. А между тем в рукописи есть интереснейшие сведения о сложном и недостаточно изученном времени, о людях, с которыми сводила судьба молодого саратовца Михаила Владимирского. Большая глава воспоминаний посвящена Николаю Ивановичу Вавилову.

«Теперь я хочу рассказать о нашем бывшем профессоре, ученом с мировым именем, Николае Ивановиче Вавилове. О нем написано многое, но здесь уместно будет вспомнить о некоторых наиболее примечательных моментах его жизни и деятельности и пополнить уже известные воспоминания наших земляков-саратовцев, знавших Николая Ивановича в разное время».

Михаил Владимирский, в тот период студент-первокурсник, не мог близко знать Н.И. Вавилова — ученого и преподавателя, работавшего в Саратовском СХИ. Но впоследствии, годы спустя, дальновидный автор собрал бесценные свидетельства тех, кому посчастливилось лично общаться с профессором Н.И. Вавиловым в Саратове.

«В 1918 году, когда я поступил в СХИ, он (Н.И. Вавилов — *прим. авт.*) читал частное земледелие и селекцию растений на старших курсах, поэтому мне не пришлось слушать его лекции. В те годы он не был еще знаменит, поэтому среди других профессоров ничем (по крайней мере, на мой взгляд) не выделялся. А когда я вернулся в СХИ в 1922 году, его уже не было в Саратове.

...В течение нескольких месяцев я ежедневно посещал СХИ в 1918 г., и вероятно, не раз встречал его на лестнице или в вестибюле. Поэтому я старался узнать что-либо о Вавилове от лиц, знавших его в тот период».

Коротко о самом Михаиле Викторовиче Владимирском (1900-1997). В 1918 г. он поступил в Саратовский СХИ и вскоре ушел в Красную армию. В 1922 г. молодой красноармеец вернулся с гражданской войны в свой вуз.

К этому времени Н.И. Вавилов уже уехал из Саратова в Петроград для руководства Отделом прикладной ботаники и селекции, поэтому М.В. Владимирский уже не застал Николая Ивановича в качестве преподавателя Саратовского сельскохозяйственного института.

В 1926 г. Михаил Викторович завершил обучение на агрономическом факультете СХИ. С 30-х годов жил и работал в Москве, но тесных связей с Саратовом и родным вузом не порывал. Известно, что в 1963 г. вместе с Евгением Ивановичем Панфиловым — одним из инициаторов и организаторов Высших сельскохозяйственных курсов в Саратове — он был на праздновании 50-летнего юбилея СХИ.

С разрешения руководства Саратовского областного музея краеведения и при содействии сына автора воспоминаний Владимира Михайловича Владимирского в данной статье впервые приводятся некоторые, особенно яркие, на наш взгляд, фрагменты двенадцатой главы «Н.И. Вавилов».

В своем очерке о Николае Ивановиче М.В. Владимирский собрал замечательные истории, связанные с проявлением феномена Вавилова как человека и гуманиста. Так, в 1979 г. Михаил Викторович записал рассказ Ольги Александровны Пилюгиной, бывшей студентки СХИ.

«Летом 1919 года я работала в библиотеке СХИ. К нам часто навещался Николай Иванович и всегда любезно обменивался двумя-тремя словами с сотрудниками. Однажды, взяв книги, он осведомился:

— «Почему вы такая невеселая?».

— «Ах, Николай Иванович, у нас большое горе: брат болеет сыпным тифом, боимся за его жизнь».

Николай Иванович произнес несколько слов утешения и ушел. А на следующее утро, придя в библиотеку, поставил передо мной большой жбан.

— «Это молоко для вашего больного брата, ему будет полезно».

Я растрогалась до слез. Время было голодное, и подкормить больного таким деликатесом, как молоко, являлось почти невозможным.

В 1920 году, когда я работала на Опытной станции (ныне НИИ сельского хозяйства Юго-Востока РАСХН — *прим. авт.*), Николай Иванович несколько раз приезжал со студентами и водил их по опытным делянкам, рассказывал о проводимых опытах. А потом был подан «роскошный» обед, и Николай Иванович вместе со всеми ел чечевичную похлебку с суррогатным хлебом и пил морковный чай. Он был весел, шутил, старался развлечь истощенных, изголодавшихся студентов. Начались танцы. Забавное зрелище представляли эти танцы — аккуратно одетый профессор, танцующий с босыми и плохо наряженными барышнями. Под залихватский мотив гармошки лихо отплясывали при свете костра русскую. Все развеселились, много смеялись. Никто не падал духом, молодости все нипочем.

В середине двадцатых годов Николай Иванович часто наезжал в Саратов, и не упускал случая побывать на Опытной станции.

Однажды он делал доклад на Ученом совете о результатах экспедиции в Хиву и Бухару. Он привез с собой много образцов злаковых растений. Очень интересно рассказывал о своеобразной природе этих мест, о растительном составе пустынь и оазисов, о быте и укладе народов, населяющих эти древние страны, об их историческом прошлом. Кругозор его знаний во всех отраслях науки был изумительным. Мы слушали его с захватывающим интересом. Так хотелось побывать в тех местах, близко познакомиться, воочию увидеть все то, о чем так интересно рассказывал Николай Иванович.

По окончании совета, он обошел все отделы и ознакомился с их работами. Зашел и в наш энтомологический отдел, где я работала у Н. Л. Сахарова (Николай

Львович Сахаров (1879-1945) — крупнейший ученый-энтомолог. С 1920 г. заведовал кафедрой энтомологии Саратовского университета, а затем — СХИ и отделом областной сельскохозяйственной опытной станции — *прим. авт.*). Узнал меня, тепло поздоровался, поинтересовался, над чем я работаю. Когда я сказала, что занимаюсь изучением вредителей бобовых культур, он немного подумал и спросил:

— «Не хотели бы вы переехать в Ленинград и поработать в Институте опытной агрономии вместе с Барулиной, которая как раз ведет эту тему? Мы сейчас изучаем сорта бобовых, устойчивых против болезней и вредителей».

Как бы нелестно мне было услышать такое предложение от знаменитого ученого, я не решилась покинуть Саратов», — заканчивает свои воспоминания Ольга Алексеевна Пилюгина.

Среди наиболее неожиданных записей, сделанных М. В. Владимирским со слов очевидцев, знавших Н.И. Вавилова в саратовский период, следует отметить почти детективный рассказ бывшего студента СХИ, имя которого осталось неизвестным, по всей видимости, в связи с особыми требованиями секретности к работнику государственной силовой структуры того времени:

«Впервые мне довелось познакомиться с Вавиловым при довольно необычных обстоятельствах. В период с 1919 по 1921 г. я служил в Особом батальоне Реввоенсовета РСФСР по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом. После ликвидации восстаний за Волгой наш батальон перебазировался в Правобережье [Саратовской губернии], где бандитизм в те годы процветал. Районом деятельности банд была полоса от первой до десятой [дачной] трамвайной остановки, вдоль железной дороги от Саратова до [станции] Курдюм, дорога по правому берегу Волги до Гуселок (пригород Саратова вблизи р. Гуселка — *прим. авт.*).

Я был уже командиром взвода, и мне был поручен последний район. Было жаркое лето 1921 года. (Вероятно, рассказчик ошибся. Речь может идти только о более раннем периоде, поскольку уже в марте 1921 года Вавилов уехал из Саратова — *прим. авт.*). Бандиты обнаглели и совершали ограбления советских учреждений: сельсоветов, кооперативов, грабили граждан на дорогах. Особенно неблагоприятной была шоссе́нная дорога между городом и Гуселками, проходившая в нескольких километрах западнее Волги. На этом участке дороги протяженностью около семи-восьми километров есть несколько понижений — распадков с небольшими ручьями, местами заболоченных. Вот здесь-то и останавливали проезжих и прохожих.

Командир батальона требовал во что бы то ни стало ликвидировать шайку, и немедленно. Легко сказать, а сделать трудно. Дни и ночи мы проводили на дорогах, на поселках, расспрашивали жителей, шарили по оврагам, но напрасно, бандиты были неуловимы. Нам были даны большие полномочия — мы имели право задерживать всех подозрительных лиц, требовать документы даже у милиционеров и военных, а в случае сопротивления расправляться на месте. Дело в том, что, по свидетельству потерпевших, разбойники иногда были одеты в милицеевскую и военную форму.

Однажды добровольные осведомители сообщили, что недалеко от Гуселок, в одной из дач проживает подозрительный человек. Уезжает утром на дрожках, приезжает поздно вечером, у него бывают по вечерам какие-то молодые люди.

Нам было известно по агентурным данным, что шайкой руководит какой-то толковый и образованный человек, не то эсер, не то анархист. Судя по тому, что бандиты очень искусно заматали следы, а грабежи часто сопровождались бессмысленными поджогами советских учреждений, мы делали вывод, что бандиты преследовали также и политические цели.

На Гусёлках вблизи речки было много дач, национализированных после революции, которые назывались по имени их бывших владельцев — Опоков хутор, дачи Бойчевского, Недошивина и других. Наблюдением было установлено, что подозрительный субъект не всегда ночует на даче, иногда его не бывает по два-три дня. Однажды его удалось проследить, когда утром он уезжал в город. Наш агент, ехавший с ним на некотором удалении, проехал до города, затем спустился по Мясницкому тракту, и «довел» до Театральной площади. К его удивлению, «клиент» подвел его не к воровской «малине», а к Вакуровскому дому, где и скрылся через парадные двери, выходящие на Театральную площадь.

Я решил лично проверить этого человека. В Вакуровском доме размещался сельскохозяйственный институт. Оказалось, что предполагаемый главарь бандитской шайки работает преподавателем в этом институте. Фамилия его — Вавилов, имя-отчество — Николай Иванович. Я навел осторожные справки об этом человеке. Отзывы были самые положительные. Но я не успокоился: мало ли чего бывает. В детстве я увлекался [детективами] Конан Дойла, и в его рассказах фигурировал профессор, возглавлявший большую, хорошо организованную шайку преступников — грабителей и убийц. Может быть, и этот Вавилов такой же.

Я решил поговорить с ним и убедиться лично, что это за человек. Под каким-то пустяковым предлогом я обратился к нему в канцелярии института. Передо мной стоял молодой хорошо сложенный мужчина, с небольшими усиками над верхней губой, с живыми веселыми глазами, смотревшими на собеседника пронизательным взором. Я задал ему два-три вопроса, что-то по поводу дач на Гуселках, находившихся в его ведении, и во время разговора старался проникнуть в его, так сказать, подспудные мысли. Я имел уже немалый опыт в криминальных делах и быстро мог распознать преступника, как бы он ни пытался изобразить себя порядочным человеком. Какие-то мелкие, почти неуловимые нюансы в его поведении, во взгляде глаз, выдают человека, который хитрит или старается вас обмануть. Но Вавилов сразу произвел на меня впечатление порядочного человека, и мне пришлось отказаться от прежней версии, которая нас всех устраивала, так как освобождала от длительных, безуспешных поисков важного преступника.

Когда много лет спустя, в тридцатых годах, я снова встретился в Мичуринске с Николаем Ивановичем и рассказал, как мы когда-то приняли его за атамана разбойничьей шайки, мы оба весело смеялись, вспоминая причудливые страницы нашей молодости.

Но руководителей шайки нам все-таки удалось поймать. Мы возобновили поиски и снова стали бродить по дачным местам, пытаясь напасть на следы преступников. Однажды по дороге около Опокова хутора мы встретили девушку, по виду студентку, шедшую нам навстречу. Нас было двое, я и мой помощник. Мы спросили, не видела ли она каких-нибудь незнакомых людей.

—«А вот сейчас проехали двое на дрожках, вон туда, вниз к Волге, их раньше я не встречала».

Мы сейчас же поехали в указанном направлении и вскоре увидели дрожки у одной из дач. Вечером дача была незаметно окружена, и в следующее утро в наши руки попали двое руководителей шайки.

Девушка, которая навела нас на след, как потом выяснилось, была студенткой СХИ Е.И. Барулиной, ставшая впоследствии женой Николая Ивановича.

Здесь автор рассказа, по всей видимости, вновь допускает неточность. В 1919 г. Елену Ивановну Барулину как лучшую студентку рекомендуют на должность помощника руководителя семенной станции. В том же году она оканчивает вуз

и получает звание ученого-агронома. Советом агрономического факультета и по рекомендации Н.И. Вавилова — ее дипломного руководителя — было решено оставить ее сроком на два года при кафедре частного земледелия и селекции для подготовки к научной и практической деятельности [7]. Таким образом, в 1921 г. Е.И. Барулина студенткой уже быть не могла. Скорее всего, речь идет именно о лете 1919 г.

Тяжелые условия, в которых Н.И. Вавилону приходилось организовывать практическую научную работу, описывает в своем рассказе и Э.Э. Аникина [8]:

« На следующий год после осады Саратова войсками белых наша опорная база, чтобы не стеснять работу Областной селекционной станции, часть площади которой мы использовали, перешла на хутор Опоково. В это лето окрестности города были наводнены бандой «зеленых», промышлявших чем бог послал. Поэтому официальным лицам получать нашу заработную плату и привозить ее из Саратова на хутор было опасно. Частенько ее доставка падала на мою долю. Я брала с собой маленькую Верочку — дочку юриста Чумаевского, и мы на простой телеге, покрытой по сему дерюгой, совершали путешествие к Опокову с деньгами. Однажды мы попались. Рожь в тот год была высокой, скрывала человека. Трусит потихоньку наша рыжая, и вдруг с обеих сторон сначала блеснули в воздухе штыки, затем раздвинулась стена ржи, и быстрыми шагами к нам подошли четверо в серых шинелях. Пачки кредиток были закутаны в старый жакет, на котором я сидела. Солдаты меня обыскали и потребовали сойти с телеги. Но я отказалась, чтобы не испугать девочку. К счастью, сзади подъехала семья, возвращавшаяся с базара, и отвлекла их внимание. Потихоньку подергав вожжи, я тронула лошадь, а затем во весь дух пустила ее под горку. Пока солдаты очищали крестьянскую телегу от остатков съестного, мы с девочкой уже были на хуторе. Тем же вечером Николай Иванович узнал о грабеже на тракте, попенял мне на то, что я не отдала денег, подвергая нас обоих опасности, и просил таких дел впредь не повторять. Девочке этот эпизод запомнился надолго. Николай Иванович тоже сделал из него выводы».

Интересным представляется рассказ самого М.В. Владимирского, по всей видимости, о последней встрече с Н.И. Вавиловым уже в середине тридцатых годов в Москве:

«Мне посчастливилось видеть и слышать Н.И. Вавилова вскоре по возвращению его из Америки, осенью 1934 года (в 1933 г. Н.И. Вавилов был в последней зарубежной экспедиции — *прим. авт.*). Мы с Мишей Терениным, (однокурсником по СХИ — *прим. авт.*), заранее купили билеты в Большую аудиторию Политехнического музея, где должен состояться его доклад. Вечером у входа толпилась молодежь — нет ли билетика? Аудитория была переполнена в основном студентами. Он вышел на сцену из боковой двери, поклонился, отвечая на аплодисменты. Это был человек средних лет, плотный, но не толстый, с круглым лицом, с подстриженными усами, на вид крепкого телосложения. Глаза веселые, улыбающиеся. Взяв в руку длинную указку, он показывал на карте, висевшей на задней стене, маршруты своего последнего путешествия по Южной и Центральной Америке. Рассказал о целях своих путешествий, о том, что приходилось передвигаться всевозможными способами — на лошадях, мулах, ослах, лодках, самолетах. Говорил, что его встречали в правительственных и научных кругах очень приветливо, но полиция на местах относилась к странствующему «большевику» с подозрением. Вавилов говорил интересно, с неизменным юмором, рассказывал о растениях, которые его заинтересовали, рассказал, что собрал много семян редких растений и даже добыл семена каучуконового и хинного деревьев, вывоз которых там запрещен».

В своих мемуарах, оставленных для нас, живущих в XXI в., М.В. Владимирский дал подробный анализ жизни и научной деятельности Н.И. Вавилова. Автор не только собрал воспоминания людей, знавших его в саратовский период, он рассмотрел всю биографию Николая Ивановича, привлекая необходимые материалы, дополняющие главу рукописи [10, 11].

Большое внимание уделено работам гениального подвижника науки, основным маршрутам Н.И. Вавилова-путешественника и исследователя. Делаются попытки проанализировать его противостояние с Т.Д. Лысенко и другими идеологически «правильными» оппонентами. Особенно горько читать, как автор, со слов очевидцев, рассказывает о последних месяцах жизни ученого, узника саратовской тюрьмы, о многочисленных легендах его спасения, которые, к сожалению, не подтвердились.

В 1968 г. в Москве и Ленинграде отмечали 80-летний юбилей академика Н.И. Вавилова. Разумеется, М.В. Владимирский следил за происходящими событиями:

«. Послали приглашение и зарубежным ученым-биологам. Они не приехали в знак протеста: «Когда в Академии наук СССР заседает, как равный, виновник гибели

высокоцитимого нами великого ученого Н.И. Вавилова, мы не считаем возможным участвовать в юбилейных торжествах, о чем глубоко сожалеем».

Нам неизвестно, присутствовал ли М.В. Владимирский 25 сентября 1970 г. в Саратове на открытии первого в стране и мире памятника Н.И. Вавилу. В рукописи, однако, есть указание на то, что автор был в курсе его установки на Воскресенском кладбище, где Н.И. Вавилов похоронен в общей могиле:

«На открытие памятника в Саратове были приглашены многочисленные гости из Москвы, Ленинграда (и других городов — прим. авт.). Был и представитель ВАСХНИЛ, где еще сильны были приверженцы Т.Д. Лысенко (чл.-корр. ВаСхНИЛ А.Д. Букштынов — прим. авт.)».

Совершенно очевидно, что судьба ученого сильно волновала Михаила Владимировича, много что повидавшего на своем веку (скончался М.В. Владимирский в возрасте 97 лет, не дожив совсем немного до своего столетия). Благодаря сочности языка и свежести передаваемых чувств глава воспоминаний

Памятник Н.И. Вавилу в Саратове

о Н.И. Вавилове воспринимается как взволнованный рассказ участника событий, всю трагичность и значимость которых М.В. Владимирский смог описать только спустя десятилетия...

«При Н.С. Хрущеве Н.И. Вавилов был реабилитирован (посмертно, в 1955 г. — прим. авт.), но виновники его гибели остались ненаказанными. Ученые-конъюнктурщики, травившие в свое время Н.И. Вавилова, безмятежно доживают свой век в научно-исследовательских институтах, вероятно, не чувствуют угрызений совести за свое преступление. Да, пожалуй, и карать их невозможно, уж очень их много.

Передо мной две книги Н.И. Вавилова — «Полевые культуры Юго-Востока» (написанная в Саратове) и «Земледельческий Афганистан». На обеих дарственные надписи: «Дорогому Алексею Митрофановичу Пантелееву от Н. Вавилова». Пантелеев — друг Николая Ивановича еще с тех пор, когда он занимался в Петровке изучением иммунитета зерновых культур, а А.М. Пантелеев заведовал Отделом защиты растений Наркомзема РСФСР. Он разделил судьбу своего друга.

Первой книге предпослано обращение: «Солнечному, знойному, суровому краю, настоящему и будущему агрономии Юго-Востока, как дань за несколько лет приюта и гостеприимства посвящает этот очерк автор».

Какая горькая ирония судьбы! Мог ли представить Николая Иванович, что здесь, в этом гостеприимном крае, он так печально закончит свой путь!

Склоним головы перед безвестной могилой этого удивительного, обаятельного человека, который, подобно Джордано Бруно, противопоставил научную истину невежеству и мракобесию» — так завершает главу «Н.И. Вавилов» автор неизданных пока воспоминаний «Двадцатые годы».

«Рукописи не горят» — сказал классик. Сохранившийся в архиве Саратовского музея краеведения машинописный труд М.В. Владимирского, над которым он работал четыре года (с 1979 по 1982) в полной мере подтверждает это высказывание, ставшее крылатым.

Рукопись нашего земляка представляет большой интерес для биографов и историков, для всех, кто интересуется отечественной историей начала XX столетия, особенно для нас, саратовцев — тех, кому и посвящал свой труд выпускник нашего вуза.

Мы считаем, что мемуары М.В. Владимирского неслучайно «нашлись» именно в год 125-летия со дня рождения Николая Ивановича Вавилова. Это настоящий подарок судьбы!

Уверены, что воспоминания «сына века» необходимо опубликовать в виде отдельной монографии, чтобы чита-

Памятник Николаю Ивановичу Вавилу на предполагаемом месте захоронения в братской могиле

тели смогли ознакомиться с незабываемым свидетельством «о времени и о себе», о том, что навсегда унесено ветром, но не забыто, не исчезло бесследно. А, значит, продолжает жить!

Библиографический список

1. *Владимирский М.В.* Двадцатые годы. Воспоминания. Кн.1. Первый сельскохозяйственный вуз на Волге. Научный архив Саратовского областного музея краеведения. Оп. 1. Документ 1061. Ед. хр. 185 л.
2. *Короткова Т.И.* Идти впереди жизни. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1987. 144 с.
3. *Роскин А.И.* Караваны, дороги, колосья. Изд. 2-е. Саратов: ООО «Приволжское издательство», 2010. 160 с.
4. Письма, воспоминания, очерки. Избранное. Сост. А.А. Васильева, В.И. Стуков. Саратов: ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ им. П.И. Вавилова», 2007. 256 с.
5. *Кузнецов Н.И., Федосеева В.И., Савельев С.И.* Николай Иванович Вавилов: феномен человека, ученого, гуманиста: краткий очерк / Под общ. ред. С.П. Савельева. Саратов: ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ имени П.И. Вавилова», 2006. 92 с.
6. *Стуков В.И.* Научно-организационная деятельность Н.И. Вавилова в Саратове (1917-1921 гг.) // Доклады Московского о-ва испытателей природы. Кн. 1. Общая биология. Биологические системы в разных условиях. М.: Наука, 1982. С. 130-134.
7. *Вишнякова М.А.* «Моя милая прекрасная Леночка...». Елена Барулина — жена и соратница Николая Вавилова. СПб: Серебряный век, 2007. 152 с.
8. Рядом с НИ Вавиловым. Сборник воспоминаний. Изд. 2-е, доп. Сост. Ю.Н. Вавилов. М: Изд-во «Советская Россия», 1973. 256 с.
9. *Вавилов Ю.Н.* В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых. Изд. 2-е, доп. и перераб. М: ФИАН, 2008. 368 с.
10. *Дубинин Н.П.* Вечное движение. Изд. 2-е, испр. и доп. М: Политиздат, 1975. 431 с.

N.I. VAVILOV IN SARATOV: ACCORDING TO MATERIALS OF UNPUBLISHED REMINISCENCES OF HIS CONTEMPORARIES

(Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov)

VI. STUKOV, M.N. SHASHKINA, N.V RYAZANTSEV

Both unpublished before and little known reminiscences of his contemporaries about N.I. Vavilov's life in Saratov (1917-1921) according to materials of unpublished M.V. Vladimirski's manuscript "1920's Reminiscences The first Agrarian University by the Volga" are published in this article. The manuscript was passed in 1987 to the library archive stock of Saratov regional local history museum which remained unclaimed longer than a quarter of a century.

Key words: N.I. Vavilov in Saratov, higher agrarian courses, Agrarian Institute, agronomy faculty, Saratov State University, regional local history museum, M. V. Vladimirski.

Стуков Владимир Иванович — к. б. и., гл. хранитель мемориального кабинета-музея НИ Вавилова СГАУ им. НИ Вавилова; тел. 8452-26-06-39 р.

Шишкина Маргарита Николаевна — ведущий специалист отдела информации и связи с общественностью СГАУ им. Н.И. Вавилова; e-mail: ritaplus@mail.ru; тел.: 8452-26-06-39 р.

Рязанцев Никита Валерьянович — студент агрономического факультета СГАУ имени НИ Вавилова; e-mail: ryzanikval@mail.ru